

Natalia Yudina

О некоторых новых особенностях взаимодействия в сфере славянского лингвистического сообщества в XXI веке

Acta Polono-Ruthenica 17, 179-190

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Natalia Yudina
Vladimir (Rosja)

О некоторых новых особенностях взаимодействия в сфере славянского лингвистического сообщества в XXI веке*

*Границы моей науки обозначают
границы моего мировоззрения.*

В. фон Гумбольдт

Общеизвестно, что XXI век ставит перед специалистами во всех сферах и областях знаний новые задачи, вызванные общественно-политическими, социально-экономическими, социокультурными и иными изменениями, происходящими в современном мире. Среди причин подобных изменений специалисты в сфере философии, социологии, политологии, истории называют, в том числе, и явление глобализации.

Термин „глобализация” стал активно обсуждаться в мировой научно-популярной и специальной литературе в конце XX века. Его появление связывают с именем американского социолога Р. Робертсона, давшего в 1985 г. свое толкование этому понятию, а позднее, в 1992 г., изложившего свою концепцию в разошедшейся по всему миру монографии. В настоящее время под „глобализацией” принято понимать процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации, ведущий к всевозрастающему воздействию различных факторов международного значения на социальную действительность в отдельных государствах¹.

* Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы „Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 гг., проект „Языковая экзистенциальность XXI века в условиях модернизации современной России: лингвофилософский дискурс”.

¹ Подробнее см., напр.: Л.Е. Гринин, *Глобализация и национальный суверенитет*, „История и современность” 2005, № 1, с. 6–31; З.В. Ивановский, *Высшее образование в условиях глобализации*, „Знание. Понимание. Умение” 2006, № 1, с. 109–114; В.Ж. Келле, *Процессы глобализации и динамика культуры*, „Знание. Понимание. Умение” 2005, № 1, с. 59–71; А.И. Шендрик, *Глобализация в системе культурологических координат*, „Знание. Понимание. Умение” 2004, № 1, с. 59–71; 2005, № 1, с. 56–68; и др.

Вместе с тем, вполне очевидно, что хронологически глобализация как общемировой процесс возникла значительно раньше. Так, по мнению О.В. Одеговой, процесс, именуемый глобализацией, вовсе не новое явление, а исторический процесс, во время которого человеческие цивилизации были призваны сформировать новую мировую систему. В этой связи можно выделить три основные волны анализируемого явления в мировой истории:

1) 1450–1850 гг. – глобализация, возникшая в результате европейской экспансии и завоеваний;

2) 1850–1945 гг. – глобализация, связанная с ещё более интенсивной экспансией и посягательством европейских имперских государств друг на друга;

3) с 1960 г. и по настоящее время – глобализация, которая знаменует современную эпоху в человеческих отношениях, когда микрочип (*micro-chip*) и спутник (*satellite*) становятся иконами глобального мирового порядка. На фоне формирования информационного пространства и реорганизации производства, социальной жизни и распространения массовой культуры происходит так называемая „макдонализация” мира (от названия сети быстрого питания McDonald’s), т.е. некоторая стандартизации и конвейерность производственных и социальных процессов².

Согласно точке зрения французского исследователя Б. Бади, можно описать три основных измерения глобализации, к которым относятся:

1) постоянно идущий исторический процесс;

2) гомогенизация и универсализация мира;

3) „размывание” национальных границ.

В контексте „постоянно идущего исторического процесса” в развитии человечества наблюдается всё большая „тенденция расширения пространства”. Однако процесс глобализации не предполагает присоединения новых периферийных точек к какому-то центру. В связи с этим американский исследователь Дж. Модельски выделяет две достаточно длительные по времени фазы: централизации (формирование центральных зон мировой системы) и децентрализации (процесс становления периферии в качестве главенствующей). Таким образом, происходит смена мест „центр – периферия”³.

² О.В. Одегова, *Транспарентность границ в сфере коммуникаций в эпоху глобализации*, „Вестник Томского государственного университета” 2009, № 325 (август), с. 62–64, [online] <www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/325/image/325-062.pdf>.

³ *Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы*, [в:] *Взгляды американских и французских исследователей*, под ред. М.М. Лебедевой, П.А. Цыганкова, Москва 2001.

В связи с тезисом о гомогенизации и универсализации мира стоит отметить, что многими авторами и критиками современности проводится мысль о том, что, благодаря развитию качественно новых информационных, коммуникативных, транспортных и других технологий, все люди на Земле объединяются одной судьбой во взаимозависимое сообщество⁴.

Что касается так называемого „размывания” национальных границ, то оно наиболее полно отражает „трансграничный” процесс как таковой. Начавшееся после Второй мировой войны на экономическом уровне, это „размывание” охватило позже и культурные, политические, социальные и другие сферы, включая не только целые государства, но и отдельные регионы. Прозрачность, или транспарентность границ между государствами, вызванная глобализацией, „перевернула” прежние представления о многих важных проблемах в различных областях и, что более существенно, стерла ригидные барьеры между внутренней и внешней политикой⁵.

При этом вполне очевидно, что глобализация затрагивает все уровни жизнедеятельности человека. Так, к примеру, А. Игнатов выделяет следующие типы глобализации:

1) „ментальную” или культурно-идеологическую глобализацию, имеющую длительную историю, связанную с комплексным процессом „унификации” традиций, религий, культуры и идеологии;

2) территориальную глобализацию, характеризующуюся процессом укрупнения государственных и надгосударственных образований;

3) экономическую глобализацию, представляющую собой совокупность двух процессов – глобализации рынков (капитала, трудовых ресурсов, товаров и услуг) и глобализации экономических форм, под которой понимается укрупнение организационных структур экономики – компаний, фирм, корпораций и т.д.;

4) информационно-коммуникационную глобализацию, являющуюся в настоящее время наиболее показательным из интеграционных процессов и включающую в себя развитие коммуникационных возможностей и использование космического пространства для передачи информации; появление и быстрый рост глобальных информационных сетей; компьютеризацию многих процессов жизнедеятельности человечества;

⁴ В.М. Кузнецов, *Что такое глобализация?*, „Мировая экономика и международные отношения” 1998, № 2, с. 12–25.

⁵ М.М. Лебедева, *Мировая политика*, Аспект пресс, Москва 2004, с. 102–110.

5) этническую глобализацию, состоящую из двух основных процессов – роста общей численности населения планеты и взаимной ассимиляции различных этнических групп⁶.

Таким образом, глобализация и каждый из ее подвидов оказывают непосредственное влияние на все сферы жизнедеятельности человечества – политическую, экономическую, социальную, культурную и др. К примеру, для культурной глобализации характерен полилог культур и рост международного общения, что имеет ряд мелиоративных и пейоративных последствий. С одной стороны, это приводит к популяризации отдельных видов различных национальных культур и составляющих их атрибутов по всему миру (ср. в этой связи, напр., *венецианский карнавал, каннский фестиваль, венский бал, американская мечта, немецкий порядок, английская чопорность; английский чай, китайский чай, итальянская пицца, швейцарский сыр, швейцарский шоколад, немецкое пиво* и др.). С другой же стороны, популярные международные культурные явления могут вытеснять национальные или превращать их в интернациональные, результатом чего может стать утрата некоторых национальных культурных ценностей и традиций. В этой связи отношение к глобализации у разных слоев населения в разных странах мира не может быть однозначным. Эта же неоднозначность проявляется и в отношении процессов глобализации в языковой сфере⁷.

Согласно мнению акад. В.М. Алпатова, „до 1989–1991 года развивались две модели глобализации, каждая из которых была связана не только с определенным типом хозяйства и с определенной идеологией, но и со своим языком. Если западная модель глобализации выдвигала и продолжает выдвигать на первый план английский язык, то советская модель связывалась с русским языком. В значительном числе стран мира основным иностранным языком в образовании был русский язык, кадры специалистов готовились в СССР и также осваивали русский язык, деятельность ряда международных организаций проходила в основном на русском языке. Роль русского языка была значительна не только во всех странах социалистического лагеря, но и в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки. В конце 80-х – начале 90-х гг. советская модель

⁶ А. Игнатов, *Стратегия „глобализационного лидерства“ для России*, [online] <www.vselprav.org/library/strategia.htm>.

⁷ Подробнее см., напр., П.К. Огурчиков, *Проблемы языка в условиях глобализации*, „Мир и согласие“ 2000, № 1(30).

глобализации потерпела поражение, что не могло не сказаться и на ситуации в языковой области”⁸.

Процесс влияния всепоглощающей англоязычной глобализации, безусловно, коснулся, в первую очередь, русского языка. Однако и другие славянские языки имеют, как кажется, проблемы, сходные с современной русскоязычной ситуацией. Многие современники (специалисты в различных сферах знаний и представители общественности) оценивают сегодняшние общественно-языковые процессы как деградационные. Среди причин такого рода явлений называются:

1) социально-политические, свойственные периодам социальных трансформаций (войн, мятежей, революций, перестроек);

2) психолого-педагогические (мода на языковой нигилизм, недостаточное внимание эстетической значимости языка к его образовательной составляющей);

3) криминогенные и юридические (урбанизация, централизация исправительно-трудовых учреждений и др.);

4) культурно-просветительские (популяризация инвективной (обсценной), бранной, жаргонной лексики в СМИ и др.)⁹.

Однако однозначно оценить современную русскоязычную ситуацию как критическую или деградационную будет не вполне справедливым и объективным утверждением. Думается, что языковая ситуация и положение того или иного языка в мире зависит от ряда внутренних и внешних, объективных и субъективных факторов, и в этой связи проблему роли русского языка (так же, как и других языков) в современном мире, на наш взгляд, необходимо рассматривать в контексте:

1) внутренней языковой ситуации, обусловленной экстра- (определенной языковой политикой, взаимоотношениями между различными национальными, социальными, профессиональными, гендерными и др. группами и др.) и интралингвистическими факторами (взаимоотношения и соотношение активных языковых и речевых процессов, состояние языковой и речевой культуры и др.);

2) внешней языковой ситуации, зависящей от интенсивности и качества международных контактов, взаимоотношений определенного

⁸ В.М. Алпатов, *Проблемы двуязычия и языков национальных меньшинств*, [в:] *Речевое общение в условиях языковой неоднородности*, отв. ред. Л.П. Крысин, Москва 2000, с. 8–9.

⁹ Подробнее см.: М.А. Грачев, *Как появляются арготизмы в нашей речи*, „Русская речь” 1996, № 4; Н.С. Валгина *Активные процессы в современном русском языке*, Москва 2003, с. 123–124.

государства с другими странами и государствами (ср. в этой связи различное влияние английского, русского, китайского и др. языков на анализируемый язык) и др.

Если говорить о русском языке, то, на наш взгляд, сегодня проблема роли русского языка в современном мире распадается, по крайней мере, на три основных. По-разному она стоит в самой России, в ближнем зарубежье (включая и некоторые из стран бывшего социалистического лагеря) и в остальном мире. В этой связи встает вполне закономерный вопрос о будущем русского языка – „языка Пушкина”, „языка Ленина” и „языка Гагарина” – в контексте общей глобализации. Но однозначно можно утверждать, что в течение следующего столетия русский язык вряд ли приобретет статус языка, находящегося под угрозой исчезновения. Это, на наш взгляд, объясняется рядом причин.

1) Свидетельством долгожительства русского языка могут служить следующие объективные „количественные показатели”. В настоящее время число русскоговорящих в мире составляет около 170 миллионов человек, населяющих РФ и другие страны СНГ, а в мировом масштабе это число достигает 350 миллионов человек. Несмотря на экстралингвистические события конца XX века (распад СССР), русский язык XXI века – это самый распространенный славянский язык Европы и пятый по распространенности язык мира (после китайского, хинди и урду вместе, английского и испанского языков)¹⁰. Говоря о глобальном значении русского языка, заметим, что русский язык – это язык общения более 160 народов и национальностей России, а также „язык жизни” для 15 миллионов приехавших в Россию мигрантов. В настоящее время за рубежом проживают около 30 миллионов человек, для которых русский язык является родным. Помимо этого 180 миллионов изучают его на разных континентах. Популярность русского языка даже в эпоху бизнеса в немалой степени поддерживается мировым значением русской классической литературы¹¹.

2) Думается, что в глобальном мире, мире прагматизма и коммуникативной целесообразности, исчезновение грозит языку не востребовавшему и не соответствующему запросам современной языковой личности

¹⁰ Подробнее см.: Э.Ф. Володарская, *Лингвистический и социолингвистический образ русского языка: прошлое и настоящее (К проекту „Исторического словаря русского языка”)*, [в:] *IV Международная научная конференция „Язык. Культура. Общество”*, Москва 2007, с. 54–81; *Русский язык в мире: доклад МИД России*, Москва 2003.

¹¹ Э.Ф. Володарская, *op. cit.*, с. 97.

– раскованной, свободной, технически образованной, динамичной, импульсивной, мобильной, креативной, открытой общему мировому пространству, но, вместе с тем, иногда поверхностной, недостаточно гуманитарно-образованной и лингвистически неглубокой¹². Лингвистический анализ свидетельствует о том, что „современный русский язык развивается в соответствии с требованиями современного человека”. Обслуживая общество в качестве средства общения, язык постоянно претерпевает изменения, накапливая свои ресурсы для адекватного выражения происходящих в обществе перемен. В результате законы развития языка все больше адаптируются и находят точки пересечения с законами развития общества.

Однако, к сожалению, приспособление языковых законов к законам социальным имеет не только мелиоративные, но и пейоративные последствия. Отрицательный характер такой адаптации русского языка к современным условиям проявляет себя в том, что, к сожалению, язык довольно часто вынужден приспособляться к заниженным лингво-экологическим требованиям современной языковой личности, в результате чего специалисты констатируют факт серьезного снижения речевой культуры современного носителя русского языка XXI века (подробнее см. работы Н.С. Валгиной, М.Н. Володиной, В.В. Колесова, О.Б. Сиротининой, Л.В. Савельевой, Е.А. Земской, Т.М. Николаевой, В.Д. Черняк и мн. др.)¹³. Намеренное и ненамеренное нарушение норм русского языка, уместное и неуместное использование иностранных слов, частое употребление нецензурной лексики, появление эрратива, известного в широких кругах как „языка падонкафф”, и многие другие лингвистические факты являются предметом многочисленных дискуссий русистов и всех заинтересованных в сохранении великого русского слова людей. Оптимисты уверены в том, что в наших силах сегодня повысить культуру русской речи, пессимисты говорят о том, что современная лингвоэкологическая ситуация критична и что-либо исправить практически невозможно. Кто прав, покажет будущее.

3) Вместе с тем, думается, что ресурсы будущего развития русского языка имеются не только в нем самом и не только внутри России, но и за ее пределами. Общественно-политическая ситуация такова, что в последние десятилетия Россия, а значит и русский язык стали видаться и восприниматься

¹² Подробнее см.: Н.В. Юдина, *Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс?*, Москва 2010

¹³ *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*, Москва 1996; *Язык и наука конца XX века*, Москва 1995 и др.

по-новому. Так, например, по замечанию В.Г. Костомарова, прекращение и снятие „идеологических оков” с русского языка, восприятие русского языка просто как одного из величайших языков человечества поставило его в состояние „конкуренции с другими языками широкого международного употребления”¹⁴. Кроме того, в связи с глобальными проблемами, борьбой с терроризмом, улучшением отношений между странами, политикой правительства Российской Федерации и другими объективными причинами появляются „новые стимулы для экономического, политического, культурного сотрудничества России с другими государствами”. И это в будущем не может не сказаться на числе изучающих русский язык в практических целях. В этой связи нельзя не заметить, что на протяжении столетий русский язык, в свою очередь, оказывал заметное влияние на развитие языков народов России, в особенности – принявших кириллицу за основу своей письменности (якуты, удмурты, башкиры и др.). Из русского языка в иностранные языки были, например, заимствованы такие слова, как *соболь, борщ, каша, дача, совет, спутник, перестройка* и многие другие¹⁵.

4) Очень важным фактором сохранения русского языка является „прогрессивность и современность русистики”. Так, в настоящее время в русском языкознании успешно развиваются такие направления, как когнитивная и корпусная лингвистика, семантико-семасиологические исследования, функциональная грамматика, исследования социальной стратификации в языке, изучение дискурсивных стратегий и специфики разговорной речи. Социальные сдвиги, имевшие место в последние два десятилетия, обусловили повышенный интерес к проблемам социальной и нормативной дифференциации языковых средств, что сделало весьма актуальными социолингвистические исследования русского языка. Фундаментальные инновации характеризуют и русское историческое языкознание¹⁶.

Академик Ю.Д. Апресян указал на то, что все современные словари русского языка основаны на синтезе филологии и культуры. „Значительная часть культуры любого народа реализуется через его язык, а язык во всём

¹⁴ Ср. в этой связи В.Г. Костомаров, *Русский язык в современном мире*, Москва 1969; Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*, 3-е изд., Русский язык, Москва 1983.

¹⁵ *Россия. Большой лингвострановедческий словарь*, под общ. ред. Ю.Е. Прохорова, Москва 2007, с. 486.

¹⁶ Подробнее см., напр., доклад академика А.Б. Куделина *Русская филология на современном этапе* [в:] *Русский язык в современном мире: Материалы научной сессии общего собрания РАН (19 декабря 2007 г.)*, Москва 2007.

его богатстве закрепляется прежде всего в словаре. Осознание особой роли словаря как проводника культуры и одновременно ключа к ней привело к невиданному всплеску лексикографической активности”, которая отвечает требованиям современных носителей русского языка начала XXI века¹⁷.

Безусловно, сложившаяся и складывающаяся современная социально-политическая ситуация создания и расширения Европейского Союза и множество других моментов, связанных с изменениями в едином общеевропейском пространстве, в частности, и глобальном мире, в целом, формируют своего рода предпосылки для переосмысления некоторых основополагающих позиций, связанных в том числе и с отношением к проблемам языка. Хочется верить, что русский язык в условиях глобального мира и в контексте современного информационно-коммуникационного пространства не потеряет свою самобытность и будет по-прежнему востребован как один из сильнейших мировых языков.

Однако проблема востребованности характерна сегодня, как кажется, не только для русского, но и для большинства славянских языков. В этой связи необходимое сохранение самобытности языков, на наш взгляд, зависит от соблюдения ряда следующих условий:

1) объективных:

– объективная национально-этническая ситуация (ср. соотношение национальностей в пределах страны или отдельного региона; количественные показатели населения, считающего тот или иной язык родным, и т.д.);

– положение того или иного государства в общемировом пространстве;

2) субъективных:

– грамотная языковая политика на уровне государств и отдельных регионов, направленная на сохранение национальных языков и национальных культур;

– компетентность и профессионализм лингвистического сообщества, способного представить языковые процессы как часть общественно-политической и общекультурной ситуации.

Думается, что ресурс сохранения славянских языков в настоящее время у нас, бесспорно, есть.

1) Так, „количественные показатели” иллюстрируют достаточно высокую численность славянских народов, а следовательно высокий уровень распространения славянских языков. Славянские языки в настоящее время распространены на огромной территории Евразии – от Центральной

¹⁷ Доклад Ю.Д. Апресяна в: *ibidem*.

и Юго-Восточной Европы до Тихого океана. Общая численность славянских народов по данным 2002 г. – свыше 300 млн. чел., из них: русских – 145,2 млн., украинцев – около 50 млн., белорусов – до 10 млн.; поляков – около 45 млн., чехов – около 10 млн., словаков – 5,5 млн., лужичан – 0,1 млн.; болгар – 9-10 млн., сербов – до 10 млн., хорватов – 5,5 млн., словенцев – до 2,5 млн., черногорцев – 0,6 млн., македонцев – 2 млн., мусульман (боснийцы, босанцы, мусульмане) – около 2 млн. Славянские народы сегодня представляют собой наиболее крупную языковую группу в Европе. Эти народы характеризуются значительной близостью, получившей наименование славянской взаимности.

2) Важным фактором сохранения национальной идентичности славянских языков, на наш взгляд, являются „положительные тенденции в сфере языковой политики”, наблюдающиеся на сегодняшний день в славянском сообществе.

Согласно мнению В.И. Беликова и Л.П. Крысина, „языковая политика требует особой гибкости и учета множества факторов в условиях полиэтнических и многоязычных стран, где соотношение языков по их коммуникативным функциям, по использованию в различных сферах социальной жизни тесно связано с механизмами политического управления, национального согласия и социальной стабильности”¹⁸. Одним из инструментов языковой политики являются законы о языках и другие нормативные правовые акты в сфере российского законодательства, регламентирующие статус языков на территории Российской Федерации.

Так, например, в соответствии с Конституцией Российской Федерации (1993) „Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык” (Глава 3 Статья 68 Часть 1)¹⁹. Обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, защиту и развитие языковой культуры регламентируется Федеральным законом Российской Федерации от 1 июня 2005 (№ 53-ФЗ „О государственном языке Российской Федерации”), подписанным Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и вступившим в силу 7 июня 2005 г. и действующим по настоящее время²⁰.

¹⁸ В.И. Беликов, Л.П. Крысин, *Социоллингвистика: Учебник для вузов*, Рос. гос. гуманитар. ун-т., Москва 2001, с. 263.

¹⁹ *Конституция Российской Федерации*, ГроссМедиа, Москва 2009, с. 11.

²⁰ „Российская газета”, 7.06.2005; [online] <www.rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html>.

В целях укрепления государственности, национальной безопасности и престижа Российской Федерации, ее полноправного вхождения в мировое политическое, экономическое и культурное пространство, развития интеграционных процессов в Содружестве Независимых Государств Российской Федерацией был разработан ряд мероприятий, направленных на создание условий для полноценной реализации функций русского языка как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения, полноправного вхождения Российской Федерации в мировое политическое, экономическое, культурное и образовательное пространство. К наиболее релевантным из обозначенных выше мероприятий можно отнести Федеральную целевую программу „Русский язык” (2002–2005), утвержденную Постановлением Правительства РФ от 27 июня 2001 г. № 483; Федеральную целевую программу „Русский язык” (2006–2010), утвержденную Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2005 г. № 833. В настоящее время подготовлен проект Федеральной целевой программы „Русский язык” (2011–2015). Стоит отметить также, например, Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина от 29 декабря 2006 г. № 1488 „О проведении года русского языка”.

3) У славянских языков есть ресурсы к объединению современного „славянского сообщества”. Как справедливо заметила М.Л. Ремнёва, „в настоящее время подвергается испытаниям сама идея славянской взаимности, что связано с непростым историческим периодом в жизни славянских народов. Довольно широкое распространение получила точка зрения о том, что идея славянской взаимности устарела, утратила свою актуальность. Отказ же от нее по сути является отказом от истории и культуры своего народа. Эта идея должна помогать решению проблем, существующих между славянскими народами, и способствовать тому, чтобы славяне осознали себя мощной силой, играющей одну из ключевых ролей в современной Европе. При этом обращение к ней ни коим образом не должно восприниматься как призыв к славянскому единению с целью противопоставить себя другим европейским народам или рассматривать неславянские народы с позиций превосходства. Обращение к славянской общности, страницам общей славянской истории могло бы способствовать решению стоящих перед Европой проблем, большему взаимопониманию между народами, в том числе и укреплению отношений России с другими

славянскими государствами, а также с Европейским союзом, в котором уже проживает 70 миллионов славян²¹.

Таким образом, вполне очевидно, что перед каждой современной языковой личностью стоит сложная задача „лингвистического выбора”, связанного с ответами на „вызовы времени”, и хочется надеяться, что славянское лингвистическое сообщество сделает правильный выбор в сторону разумного сохранения национальной языковой и культурной идентичности, а также адекватного языкового взаимовлияния и взаимопонимания на фоне новейших инновационных и глобализационных процессов XXI века.

Streszczenie

Niektóre nowe funkcje interakcji w słowiańskiej wspólnocie językowej w XXI wieku

W prezentowanym artykule opisano funkcje społeczne języków słowiańskich we współczesnej sytuacji homogenizacji oraz uniwersalizacji kultury, rozmycia granic kulturowych pod wpływem procesów globalizacji. Na materiale współczesnego języka rosyjskiego zostały pokazane procesy językowe uwarunkowane dynamiką społeczeństwa dzisiejszej Rosji z uwzględnieniem sytuacji w innych krajach słowiańskich. Poruszona została socjolingwistyczna kwestia „wyboru językowego”.

Summary

On some new peculiarities of interaction within the Slavonic linguistic community of the 21st century

The present article is devoted to the description of some peculiarities of the Slavonic languages existence within the process of the world homogenization and universalization, “smearing” of national boundaries under the influence of “mental”, territorial, economic, information-communicatory and ethnic globalization. The paper suggests the author’s approach to analyzing the ameliorative and deteriorative extra- and intra-lingual tendencies, as well as marks some ways of preserving the Slavonic languages uniqueness in the context of the “linguistic choice” and the newest innovative and globalization processes of the 21st century.